

Что не может быть создано эволюцией?

Подъ словомъ эволюція я буду имѣть въ виду въ началѣ статьи лишь то, что подразумѣвается подъ нимъ теорія трансформизма въ биологiи: образованіе множества видовъ растений и животныхъ изъ одного или немногихъ сравнительно простыхъ первоначальныхъ формъ. Не будемъ вносить при этомъ въ понятіе эволюціи никакихъ оцѣнокъ, ни понятія совершенствованія, ни понятія цѣлесообразности, единого цѣннаго ~~направленія~~ и т. п.

Понимая подъ эволюціею ~~лишь~~ фактъ образованія многихъ сложныхъ формъ изъ ~~немногихъ~~ простыхъ, мы имѣемъ въ эволюціи не болѣе, какъ частный случай *измѣненія* многихъ *элементовъ* природы, находящихся во *взаимодѣйствіи* другъ съ *другомъ* и со всею природою. (Слово «элементъ» означаетъ здѣсь лишь часть цѣлага, болѣе простую, чѣмъ цѣлое).

Что же можетъ быть создано путемъ эволюціоннаго измѣненія? — Натурализмъ, увлекающійся теоріею эволюціи, находя на позднѣйшихъ стадіяхъ живого бытія у наиболѣе сложныхъ животныхъ и особенно у человека такія свойства, какихъ, по видимому, нѣтъ у низшихъ организмовъ, считаетъ ихъ цѣлкомъ продуктомъ эволюціи. Такъ, напримѣръ, память, сознаніе, симпатія, нравственное чувство, цѣлесообразное формированіе организма, цѣлесообразныя реакціи, творческая активность, найденныя у высшихъ животныхъ, считаются продуктами эволюціи. Могутъ ли быть все такія свойства продуктами эволюціи, и если да, то въ какомъ смыслѣ, — вотъ тема моей статьи.

Нерѣдко, знакомясь съ ученіемъ объ эволюціонномъ происхожденіи какихъ-либо изъ перечисленныхъ высокихъ свойствъ организованныхъ существъ, съ очевидностью усматриваешь, что изъ тѣхъ данныхъ, изъ которыхъ исходитъ соответствующая теорія эволюціи, никакъ нельзя получить эволюціоннымъ путемъ разсматриваемое свойство. Положеніе часто оказывается такимъ, какъ если бы кто хотѣлъ, суммируя объемы и пространства, получить время или, суммируя нули, получить конечное рациональное число.

Въ моей книгѣ «Обоснованіе интуитивизма» подвергнувъ анализу съ этой точки зрѣнія одинъ примѣръ эволюціонной попыт-

ки рѣшенія трудной гносеологической проблемы, именно попытка Спенсера развить теорію *эволюціоннаго эмпиризма*, какъ примиреніе противоположности кантіанскаго апіоризма и докантианскаго эмпиризма. Спенсеръ признаеть, что въ знаніи человѣка есть апіорные элементы, напримѣръ, въ представленіяхъ о пространствѣ и времени, но эти апіорные элементы суть результатъ унаслѣдованнаго отъ предковъ строенія мозга, а это строеніе мозга и соотвѣтствующія ему знанія сложились у предковъ а posteriori, подъ вліяніемъ опыта. «Человѣческій мозгъ, говоритъ Спенсеръ, — есть организованная записъ (регистрація) безконечнаго числа впечатлѣній, испытанныхъ въ продолженіе развитія жизни или, правильнѣе говоря, въ продолженіе развитія того рода организмовъ, черезъ который прошло развитіе человѣческаго организма» *). Слѣдовательно, *апіорное для индивидуума есть апостериорное для рода*.

Попытка Спенсера обратиться къ ученію объ эволюціи знанія очень остроумна, однако не трудно показать, что она способна отвѣтить лишь на нѣкоторые вопросы *психологии* знанія и *исторіи* знанія, наприм., почему нѣкоторыя *привычки* мышленія угоренились болѣе глубоко и обнаруживаются болѣе рано, чѣмъ этого можно было бы ожидать, имѣя въ виду сравнительно узкую область опыта индивидуума; но для рѣшенія *гносеологическихъ* проблемъ она совершенно не пригодна: такъ наприм., теорія эволюціи не даетъ отвѣта на вопросъ о достовѣрности всеобщихъ и необходимыхъ синтетическихъ сужденій, она не можетъ гносеологически оправдать убѣжденія въ существованіи трансубъективнаго міра, если признать вмѣстѣ со Спенсеромъ, что въ процесѣ знанія мы имѣемъ лишь «субъективныя возбужденія, производимыя объективными дѣятельностями, которыхъ мы не знаемъ и которыхъ не познаваемъ для насъ». **).

Борьба Спенсера противъ «идеализма» въ защиту реализма безнадѣжна, если признать вмѣстѣ съ нимъ, что опытъ состоитъ изъ *субъективныхъ* возбужденій, обусловленныхъ неизвѣстными объективными причинами: изъ *такого опыта* никакая эволюція не можетъ выработать *логически оправданнаго* убѣжденія въ существованіи трансубъективнаго міра ***).

*) Спенсеръ, Основанія психологій, перев. подъ ред. Н. Рубакина, ч. IV, §208, стр. 288.

**) Spencer, The Principles of Psychology, изд. Williams and Norgate, 2 изд., т. II, стр. 315.

***) Подробно см. объ этомъ въ моемъ «Обоснованіи интуитивизма», 3 изд. стр. 158 — 167.

Существованія *творческой эволюціи* я вовсе не отвергаю, терминъ эволюція я вовсе не употребляю въ смыслѣ трансформациі, но утверждаю только, что даже и творческая эволюція не можетъ создать все изъ ничего. Въ основѣ всякой эволюціи лежатъ какія-либо *изначальныя данныя*, и весь процессъ развитія въ значительной степени зависитъ отъ природы этихъ первичныхъ данныхъ. Этотъ тезисъ есть основная истина, однако, къ сожалѣнію, нѣсколько неопредѣленная: онъ не можетъ служить исходнымъ пунктомъ для рѣшенія вопроса, что-же именно создается эволюціею и что не можетъ быть сотворено ею. Сдѣлаемъ поэтому еще одинъ шагъ въ своемъ анализѣ, чтобы установить точный тезисъ, годный для дальнѣйшихъ выводовъ. Этотъ тезисъ таковъ: *условія возможности эволюціи не могутъ быть созданы эволюціею. Это столь же очевидно и достоверно, какъ утвержденіе, что дѣти не могутъ произвести на свѣтъ своихъ собственныхъ родителей.*

Можно ли прийти къ какимъ-либо точнымъ выводамъ, исходя изъ этого тезиса? — Конечно, можно. Напримѣръ, естественныя формы природы, вырасимыя въ *категориальныхъ* понятіяхъ, вродѣ понятія причинной зависимости (лодь словомъ категоріи я разумѣю, будучи сторонникомъ не гносеологическаго идеализма, а интуитивизма, — основныя метафизическія условія *бытія* природы, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ суть и условія *познаваемости* ея въ интеллектуальной интуиціи), не могутъ быть продуктомъ эволюціи: эволюція предполагаетъ уже существованіе причинности въ природѣ и не можетъ быть источникомъ возникновенія ея.

Изъ этого примѣра видно, что выводы изъ выставленнаго тезиса могутъ быть получены вполне достоверныя и многозначительныя; однако самъ тезисъ содержитъ въ себѣ одинъ сомнительный пунктъ: центральное мѣсто въ немъ занимаетъ понятіе эволюціи, между тѣмъ оно абсолютно не достоверно. Поэтому я укрѣпляю свою позицію, именно буду говорить не объ условіяхъ возможности *эволюціи*, а о чемъ-то еще болѣе основномъ и безусловно несомнѣнномъ, именно объ условіяхъ возможности *измѣненія*, такъ какъ эволюція есть частный случай измѣненія.

Теперь тезисъ, служащій основой для развитія всѣхъ послѣдующихъ соображеній, нѣлкомъ состоитъ изъ безспорныхъ элементовъ: условія возможности того, чтобы вообще существовало *измѣненіе* многихъ находящихся во взаимодействіи элементовъ міра, *не могутъ быть созданы самимъ процессомъ измѣненія.*

Каковы же эти условія измѣненія? — Отыскивая ихъ, мы установимъ рядъ положеній, весьма многозначительныхъ для всего міропониманія. Самое существо этихъ въ высшей степени общихъ и основныхъ положеній таково, что они не могутъ быть

установлены методами, привычными для натуралиста: *чувственный* опыт имеет весьма отдаленное значение при обосновании их; *индуктивно*, исходя из наблюдений единичных случаев, они не могут быть доказаны; также и *дедуктивно*, как вывод из истины, более общих или равных по степени общности, они в большинстве случаев получены быть не могут. Для обретенія ихъ въ большинствѣ случаевъ есть только одинъ путь — *умозрѣніе*, т. е., выдѣленіе изъ состава опыта нечувственныхъ понятій и прослѣживаніе синтетически необходимо вытекающихъ изъ ихъ содержанія связей ихъ съ новыми понятіями. Значительность этого метода въ достаточной степени выясняется даже тогда, когда мы отдаемъ себѣ отчетъ въ томъ, что все основное содержаніе математики можетъ быть получено не иначе, какъ умозрѣніемъ. Такъ, на примѣръ, мысля «двѣ величины, порознь равныя третьей», необходимо приписать этому предмету предикатъ «равны другъ другу»: синтетически необходимое сужденіе «двѣ величины, равныя порознь третьей, равны другъ другу» есть чистѣйшій образецъ умозрѣнія. *)

Къ сожалѣнію, умозрительный методъ въ его примѣненіи къ тѣмъ понятіямъ, которыя изслѣдуетъ философія, непривыченъ для натуралистовъ и для математиковъ. Поэтому мало надежды на то, чтобы представители этихъ наукъ отнеслись благосклонно къ даме сколько нибудь внимательно къ тѣмъ мыслямъ, которыя будутъ сейчасъ развиты мною въ связи съ понятіемъ измѣненія.

1. Измѣненіе не можетъ *существовать* и не можетъ быть *мыслимо* безъ соотношенія съ неизмѣннымъ. «Измѣненіе», говоритъ Кантъ, «есть способъ существованія, слѣдующій за какою-либо другимъ способомъ существованія *того же самаго* предмета. Поэтому то, что измѣняется, *предбываетъ*, и только его *состоянія* смѣняются. Такъ какъ эта смѣна относится только къ опредѣленіямъ, которыя могутъ исчезать или возникать, то мы можемъ высказать слѣдующее положеніе, кажущееся нѣсколько парадоксальнымъ: только устойчивое (субстанція) измѣняется; измѣнчивое подвергается не измѣненію, а только *смыслу*». «Поэтому измѣненія могутъ быть воспринимаемы только въ субстанціяхъ, и абсолютное возникновеніе или исчезновеніе, не составляющее опредѣленія устойчиваго бытія, не есть возможное воспріятіе, такъ какъ именно устойчивое бытіе есть условіе возможности представленія о переходахъ изъ одного состоянія въ другое и отъ небытія къ бытію, которые, слѣдовательно, эмпирически могутъ быть позна-

*) Смъ объ умозрѣніи и невозможности системы знанія безъ него мою «Логіку» ч. II, гл. I «Непосредственное оправданіе сужденій».

ны только, какъ смѣняющіяся опредѣленія того, что пребываетъ» *).

Будучи въ гносеологіи сторонникомъ *интуитивизма*, т. е. учения о томъ, что воспріятіе и мышленіе есть *созерцаніе* самого бытія и его структурныхъ связей въ подлинникѣ, я утверждаю, что связь между измѣненіемъ и неизмѣнною субстанціею есть не только необходимая *соотносительность понятій*, но и необходимая *структура самого бытія*.

Итакъ, въ основѣ измѣненія лежитъ неизмѣнная *субстанція*: измѣниться можетъ лишь то, что остается въ известномъ смыслѣ слова *тѣмъ же самымъ*, т. е. содержитъ въ себѣ тождественную основу. Такъ, напр., душевная жизнь можетъ измѣняться не иначе, какъ обладая тою связностью и единствомъ, которая ей присуща, поскольку она принадлежитъ одному и тому же я, неизмѣнно *тождественному субъекту*. Движеніе и измѣненіе его скорости или направленія возможно лишь постольку, поскольку въ конечномъ итогѣ удается найти тождественный субъектъ процесса, напр. движущійся электронъ.

Измѣненіе въ отношеніи къ субъекту процесса, т. е. въ отношеніи къ субстанціальному началу есть проявленіе его, дѣйствіе его, состояніе и т. п. Различіе между этими двумя сторонами дѣлаго вовсе не таково, чтобы одна изъ нихъ была временнымъ неизмѣннымъ бытіемъ, а другая временнымъ измѣнчивымъ: различіе здѣсь гораздо болѣе глубокое, состоящее въ томъ, что субстанція совершенно не оформлена временемъ, *она вне времени*, и потому неизмѣнна.

Здѣсь переть намъ два принципиально различныя типа бытія: *идеальное бытіе*, т. е. сверхвременное, и *реальное бытіе*, т. е. временное. Вся глубина различія между ними откроется тому, кто произведетъ точное наблюденіе напр., надъ двумя предметами, какъ я и какое либо испытываемое имъ чувство. Моя радость, длящаяся нѣсколько минутъ, есть реальное бытіе, оформленное временемъ: содержаніе ея ежесекундно отходитъ въ прошлое и все вновь и вновь нарождается въ моемъ радостіи. Мы говоримъ, правда, что въ теченіи нѣсколькихъ минутъ я переживалъ *одно и то-же* чувство, именно радость, однако это означаетъ лишь, что всѣ отрѣзки моего переживанія подходятъ подъ *одно и то-же* понятіе радости, но вовсе не значить, будто тождественное содержаніе протянулось сквозь нѣсколько минутъ: какъ въ процессѣ движенія происходитъ сплошное отпаденіе въ прошлое и нарастаніе новаго, такъ и въ

*) Кантъ. «Критика чистаго разума», перев. Н. Лосского, стр. 143, 144:

процессъ радования. Иной характеръ имѣеть я : оно не течетъ во времени, вовсе не оформлено имъ. оно вздымается надъ временемъ и потому особенно, напр., охватывать своими актами вниманія большіе или меньшіе отрѣзки временнаго процесса, какъ цѣлое. Сказать, что и я, подобно радости, есть то же самое я только потому, что разные отрѣзки его, смѣняющіеся во времени, подходятъ подъ одно и то-же понятіе, это значитъ строить несостоятельную теорію я. Эта теорія противорѣчитъ непосредственному сознанию *дѣйствительности* конкретно-идеальнаго существа, обозначаемаго словомъ я въ отличіе отъ его проявленій.

Далѣе эта теорія упускаетъ изъ виду *активность я*, свойство, которое никакъ не можетъ быть приписано понятіямъ. Въ частности, такая дѣятельность я, какъ охватываніе однимъ актомъ вниманія отрѣзка времени и умственное видѣніе его сразу, какъ цѣлаго, доказываетъ съ абсолютною убѣдительною, что я есть не отвлеченное понятіе, которое было бы только *въвременно*, а конкретно-идеальное существо, которое *сверхвременно*, т. е. господствуетъ надъ временемъ.

Несмотря на совершенную очевидность бытія такихъ субстанціальныхъ началъ, многія философскія школы отвергаютъ ихъ или, по крайней мѣрѣ, истолковываютъ ихъ такъ, что метафизическое содержаніе этого понятія утрачивается (напр., у Канта и большинства его преемниковъ). Между тѣмъ ходячія возраженія противъ этого понятія обусловлены или искаженіями его, или недоразумѣніями, какъ это, надѣюсь, будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія.

Остановимся прежде всего на сверхвременной субстанціи. Какъ это ни странно, сверхвременное бытіе есть условіе возможности времени, именно условіе и *сознания* времени, и *существованія* всякой временной оформленности. Для сознанія времени и для воспріятія, напр., движенія курьерскаго поѣзда, необходимо имѣть въ сознаніи сразу цѣлый отрѣзокъ временнаго процесса, содержащій въ себѣ прошлое, настоящее и зарождающееся будущее. Какъ уже сказано выше, имѣть передъ умственнымъ взоромъ такіе отрѣзки, какъ цѣлое (*specious present*), субъектъ сознанія можетъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ самъ есть существо сверхвременное. Но этого мало, самое осуществленіе такихъ процессовъ, напр., движенія и исполненія мелодіи, возможно лишь въ томъ случаѣ, если эти процессы суть *дѣйствования* сверхвременнаго существа, такъ какъ только благодаря сверхвременному дѣятелю процессъ можетъ быть оформленъ такъ, чтобы существовала та *соотношенность* «прежде» и «послѣ», а упорядоченность въ видѣ отношенія прошлаго, настоящаго и буду-

каго, которая присуща сплошному временному процессу : *временныя* отношенія требуютъ *сверхвременнаго* соотносителя, а *сплошность* возможна лишь въ томъ случаѣ, если содержаніе, упорядоченное во времени, *творится самимъ сверхвременнымъ существомъ*, такъ что субстанція есть не пассивный посетитель состояній, а творческій дѣятель, порождающій ихъ. Теперь мы и будемъ пользоваться въ дальнѣйшемъ для большей наглядности и ясности не мертвымъ отвлеченнымъ терминомъ субстанція, а терминомъ *субстанціальныи дѣятель*. *).

Сверхвременныи субстанціальныи дѣятель также и *сверхпространствененъ*: иначе непонятно единство его пространственныхъ проявленій, наполняющихъ разныя мѣста пространства. Такъ, электронъ осуществляетъ дѣйствованія отталкиванія и притяженія по всемъ радіусамъ изъ определенной точки пространства; такое единство дѣйствій, мѣняющихся къ тому-же свое положеніе въ пространствѣ, но остающихся тѣмъ же не менѣе едиными, предполагаетъ источникъ, единый и притомъ не «сидящій» въ исходной точкѣ дѣйствій (тогда онъ былъ бы отдѣленъ разстояніемъ отъ своихъ дѣйствій), а господствующій надъ пространственной раздѣльностью, т. е. *сверхпространственный* и потому *непосредственно участвующій* во всехъ своихъ дѣйствіяхъ, въ какомъ бы мѣстѣ пространства они не находились, и сливающимъ ихъ въ атомное (т. е. нераздѣльное) единство.

2. Субстанціальныи посетитель измѣненія, какъ показано въ предыдущемъ разсужденіи, не просто носитъ событія на себѣ, вродѣ того, какъ на Рождественскую елку можно напѣлнить свѣчи, пряники и т. п. : онъ самъ творчески порождаетъ процессы своеобразно идеальнымъ формамъ пространства, времени и т. п. Ни въ чемъ не можетъ быть вложено въ него, все вышнее можетъ быть только поводомъ для *проявленія* самого субстанціального дѣятеля; даже движеніе электрона не можетъ быть причиною извѣстнаго, оно можетъ возникнуть лишь постольку, поскольку и самъ электронъ обладаетъ силою отталкиванія или силою притяженія.

Отсюда слѣдуетъ, что субстанціальныи дѣятель въ отношеніи къ производимымъ имъ событіямъ, есть носитель *силы*. Силы эти имѣютъ *творческій* характеръ въ томъ смыслѣ, что порождаютъ и

*) Соображенія о томъ, что временное бытіе всегда двустороннее, именно содержитъ въ себѣ временной и сверхвременный аспектъ, см. также въ книгѣ С. Франка «Предметъ знанія».

вносятъ въ составъ міра *новое событіе*, никогда еще до тѣхъ поръ не принадлежавшее къ составу міра. *)).

Современная наука стремится понять причину и дѣйствіе, какъ тождественныя, основываясь на законъ сохраненія энергіи и сохраненія вещества. Однако къ полному тождеству свести причину и дѣйствіе нельзя : тогда въ мірѣ не было бы никакого измѣненія и вообще никакого временнаго процесса. **).

3. Суммируемъ найденныя условія. Измѣненіе предполагаетъ творческую активность сверхвременнаго дѣятеля, который, будучи сверхвременнымъ, способенъ имѣть въ виду не только настоящее, но также прошлое и будущее. Отсюда слѣдуетъ, что дѣйствія субстанціального дѣятеля *могутъ* содержать въ себѣ *координацію* *прошлаго, настоящаго и будущаго*, они могутъ быть реализаціею настоящаго на основѣ прошлаго ради будущаго, — иными словами, сверхвременный дѣятель способенъ проявлять *цѣлестремительную активность*.

4. Мы задались цѣлью разсмотрѣть условія измѣненія элементовъ природы, находящихся во *взаимодѣйствіи* другъ съ другомъ. Согласно предыдущему, элементы природы въ конечномъ итогѣ суть субстанціальные дѣятели, своею собственною силою порождающія свои проявленія. Следовательно, вліяніе другихъ дѣятелей на какого-либо дѣятеля А можетъ заключаться лишь въ томъ, что ихъ состоянія служатъ *поводомъ*, по которому дѣятель А измѣняетъ свои проявленія. Имѣть такое значеніе другъ для друга субстанціальные дѣятели могутъ лишь въ томъ случаѣ, если они не обособлены, не замкнуты каждый въ себѣ. Въ противоположность монадамъ Лейбница, не имѣющимъ «ли оконъ, ни дверей», они должны быть мыслимы, какъ существа, хотя и обладающія каждое въ отдѣльности самостоятельную силу дѣйствования, но, съ другой стороны, такъ сращенныя другъ съ другомъ, что каждое изъ нихъ существуетъ не только *въ себѣ и для себя*, но *вмѣстѣ съ тѣмъ и для другого*. Это своеобразное трансцендирован-

*) Слово творческій я употребилъ здѣсь, конечно, не въ узкомъ смыслѣ, т. е. не въ смыслѣ внесенія въ міръ оригинально новаго содержанія, т. е. такого содержанія, которое представляетъ собою новый типъ бытія и должно быть выражено посредствомъ новыхъ понятій; слово творческій означаетъ здѣсь порожденіе собственною силою дѣятеля новаго событія, даже и такого, одинаковаго съ которымъ по роду и виду тысячи разъ уже производились дѣятелемъ

***) См. объ этомъ Мейерсонъ «Гожество и дѣйствительность».

не каждаго существа за предѣлы себя состоить въ томъ, что оно, не вторгаясь пасивно въ процессы чужихъ проявленій, тѣмъ не менѣе существуетъ для другихъ дѣятелей: въ высоко развитой формѣ такое трансцендированіе извѣстно намъ, какъ данность чужого бытія въ нашемъ *сознаніи*. Я вовсе не утверждаю, конечно, что всѣ дѣятели обладаютъ сознаніемъ, а говорю лишь о такомъ *первичномъ существованіи всего для всего*, которое предшествуетъ всякому сознанію съ его психическими процессами вниманія, различенія, сужденія и т. п. и составляетъ *условіе* возможности возникновенія *сознанія*. Я имѣю въ виду здѣсь ту основную цѣлостность міра, вслѣдствіе которой, согласно ученію стоиковъ, существуетъ симпатія всѣхъ частей міра въ отношеніи другъ друга. Эту данность всѣхъ существъ другъ другу С. Франкъ уясняетъ посредствомъ ученія объ укорененности ихъ всѣхъ въ Абсолютномъ. *)).

Не допуская такой степени близости мірового бытія къ Абсолютному, я вывожу эту данность изъ того свойства существъ, которое я называю *единосуціемъ* ихъ и *координацію* субъекта со всѣми объектами.**)).

Нѣчто вродѣ этой данности мы находимъ въ ученіи профессора Alexander'a о «revelation» (откровеніи) бытія низшихъ ступеней, но крайней мѣрѣ, бытію высшихъ ступеней. ***)).

Благодаря указанной *имманентности великаго существа всѣмъ другимъ существамъ* возможны не только отдѣльныя спорадическія вліянія дѣятелей другъ на друга, но и сочетаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ болѣе или менѣе питчмыя, болѣе или менѣе устойчивыя единства. Эти единства получаютъ тогда, когда нѣсколько дѣятелей усваиваютъ какія-то стремленія одного, болѣе высоко развитаго дѣятеля, какъ свои собственные, и совместно съ нимъ осуществляютъ ихъ, сочетая свои силы такъ, что творческая активность поднимается на болѣе высокую ступень (*emergent evolution*); такъ возникаетъ изъ электроновъ и протоновъ атомъ, изъ атомовъ — молекула, одноклѣточный организмъ, сообщества — вродѣ муравейника, улья, человѣческаго общества и т. д.

5. Остается теперь показать еще одно послѣднее и высшее условіе возможности измѣненія. Міръ, какъ система самостоятельныхъ творчески дѣятельныхъ существъ, которая въ то-же время въ нѣкоторомъ аспектѣ единсуцны другъ другу и координированы другъ

*) С. Франкъ. «Предметъ знанія».

**) См. мою книгу «Міръ какъ органическое цѣлое».

***) Alexander; Space, Time and Deity, II. т., стр. 103 с

съ другомъ не можетъ быть источникомъ своего возникновенія, хотя бы потому, что невозможна самокоординація такихъ существъ. Источникъ системы міра можетъ быть мыслимъ только, какъ *сверхсистемное* начало, несоизмѣримое съ міромъ, т. е. *Сверхміровое*, — *Богъ*.

Соберемъ вмѣстѣ всѣ возможности измѣненія, а слѣдовательно, и эволюціи: наличность сверхвременныхъ и сверхпространственныхъ субстанціальныхъ дѣятелей, надѣленныхъ творческими силами, способныхъ къ цѣлестремительной дѣятельности, координированныхъ другъ съ другомъ, поэтому перманентныхъ другъ другу и способныхъ сочетаться въ болѣе или менѣе цѣлостныя единицы: во главѣ всей этой системы стоитъ Богъ.

Условія возможности измѣненія оказались чрезвычайно многозначительными; но будучи осмыслены *условіями* эволюціи, они не могутъ быть *продуктами* эволюціи. Они представляютъ собою основное ядро такихъ высшихъ свойствъ живыхъ существъ (сознаніе, нравственное чувство и т. п.), которыя въ явной, легко наблюдаемой формѣ можно найти лишь на вершинѣ лѣстницы живыхъ существъ. Поэтому-то и является соблазнъ объяснять эти высшія свойства цѣлкомъ эволюціею, между тѣмъ какъ специфическая основа ихъ не можетъ быть продуктомъ эволюціи.

Перечислю важнѣйшія изъ этихъ свойствъ. Такова, напр., *память*, т. е. способность возвращаться къ прошлому. Сверхвременный дѣятель, какъ сверхвременный, способенъ не только переживать настоящее, но и охватывать прошлое. Примѣненіе этой способности осуществляется во всякомъ процессѣ измѣненія, хотя бы въ формѣ спайки ближайшаго непосредственнаго прошлаго съ настоящимъ. Но эта способность есть существенная, специфическая составная часть памяти. Поэтому необходимо признать, что въ природѣ вездѣ есть *аналогъ памяти*, способность, которую можно назвать *первичной памятью*.

Эволюционировать можетъ *использованіе* этой первичной памяти, усовершенствованіе примѣненія ея для цѣлесообразной дѣятельности, напр., развитіе способности произвольнаго сознательнаго воспоминанія, т. е. умѣнія такъ сочетать элементы опыта, чтобы въ нужнѣй моментъ получать отчетливое воспоминаніе. Эволюція способности произвольнаго припоминанія есть усовершенствованіе наличной уже памяти, но не первичное созиданіе памяти у существа, у котораго до того не было ни малѣйшей степени способности возвращаться къ прошлому.

Подходя къ этой мысли мы находимъ уже у самихъ натуралистовъ. Такъ, фізіологъ Герингъ признаетъ, что «*память*»

есть общее свойство, по крайней мѣрѣ, всей организованной матеріи. Сюда относятся также ученія современныхъ натуралистовъ о «mneme», какъ условія возможности наслѣдственности и другихъ свойствъ организма. Имъ нужно только отдать себѣ отчетъ въ томъ, что это вліяніе прошлаго на настоящее не можетъ быть истолковано механистически: рѣчь идетъ о той памяти, которую *Bergson* называетъ память-греза, и которая состоитъ въ томъ, что прошлое самолично присутствуетъ въ сознаніи и самолично вліяетъ на настоящее. Такое вліяніе, какъ-бы изъ другого измѣренія можно обозначить терминомъ «мнемическая причинность», заимствовавъ его у Б. Расселя *). Такое наличествованіе въ сознаніи (mnemical causation) Broad означаетъ терминомъ «мнемическая данность» (mnemically given).

Память есть средство для регулированія настоящаго на основѣ прошлаго. — Но сверхвременный дѣятель обладаетъ способностью не только охватывать прошлое, а еще и видѣть будущее. Отсюда возникаетъ возможность регулированія настоящаго посредствомъ будущаго, т. е. способность *цѣлестремительной и цѣлесообразной* дѣятельности. Согласно развитымъ выше ученіямъ, ова есть первичное свойство всякаго дѣятеля. Эволюція не можетъ выработать впервые такую регуляцію, потому что существенный специфическій элементъ ея, являющійся въ виду будущаго, есть условіе возможности всякаго измѣненія. Но эволюція можетъ совершенствоваться цѣлестремительную дѣятельность, именно поднимать ее на все возрастающую высоту цѣлесообразности: такъ, напр., нарастаніе опыта ведетъ къ использованию прошлаго для *дифференцированія* вліянія будущаго, и сочетаніе силъ многихъ дѣятелей, образующихъ все болѣе сложныя и болѣе совершенныя органическія единства, повышаетъ творческую изобрѣтательность дѣятелей въ нахожденіи средствъ для осуществленія цѣли.

Зоологъ и психіатръ *Г. Вольфъ* попытался даже экспериментально установить паличность «первичной цѣлесообразности» организма (путемъ наблюденія надъ регенераціею хрусталика тритона, осуществляющагося другимъ путемъ чѣмъ развитіе хрусталика у зародыша). **)

Русскій зоологъ Е. Шульцъ въ своей книгѣ «Организмъ, какъ творчество» старается показать, что всѣ морфологическіе процессы въ организмѣ должны быть разсматриваемы, какъ творческіе цѣлесообразные поступки организма. С. И. Метальниковъ

*) В. Russel. The analysis of Mind, стр. 209, 307; Broad, Symposium «Critical Realism», Proceed. of Arist. Soc., Suppl. Vol. IV, стр. 112, 1924.

**) Г. Вольфъ, Къ кризису дарвинизма.

давно уже высказали мысль, что даже рефлекс есть творческий целесообразный акт, и всеми своими новейшими исследованиями имунитета неопровержимо подтверждает эту мысль. *).

То же, что о памяти и целестремительности, необходимо сказать и о сознании. Существенный, специфический элемент сознания есть координация субъекта и объекта, т. е. непосредственная сочетаемость их, благодаря которой субъект способен «иметь в виду» объект. На самых первоначальных ступенях бытия эта координация обуславливает *предсознание*, которое будучи условием всякого взаимодействия, есть не продукт эволюции, а основа возможности ее. Отсюда слѣдует, что эволюция не творит существенной стороны сознания: она только поднимает предсознание на степень сознания, именно вырабатывает способность дѣятеля выдѣлять вниманіемъ отдѣльныя группы элементовъ изъ безбрежнаго моря «данныхъ» предсознания, подвергать ихъ предпочтительному разсмотрѣнію, отчетливо противопоставлять объектъ субъекту и т. п.

Такъ какъ въ основѣ сознания лежитъ первичная «данность» объекта субъекту, то это ученіе о сознаниі должно быть развито въ духѣ гносеологіи интуитивизма или какого-либо вида англо-американскаго реализма. Натуралисты подходят къ этой проблемѣ, посколькѣ, напр., *Дришз* приписываетъ интеллекту способность «первичнаго знанія» («primäres Wissen») или Bleuler утверждаетъ, что все кѣтъ организма объединены посредствомъ «Nachrichtendienst» («вѣствовою службою») **).

Симпатія есть безкорыстное соучастіе въ чужой жизни чувствомъ и волею, т. е. сорадование и состраданіе, а также соответствующіе поступки въ связи съ чужимъ переживаніемъ. Эта способность представляетъ собою въ *практической сферѣ* то же самое, что сознание въ *теоретической сферѣ*; какъ и сознание, она предполагаетъ первичную *непосредственную данность* дѣятелю не только его собственной, но и *чужой жизни*. Психологическія теоріи, согласно которымъ симпатія возникаетъ на основаніи мысленнаго *воспроизведенія* индивидуумомъ душевныхъ состояній другихъ индивидуумомъ, объединяютъ лишь *псевдо-симпатію*, напр., состояніе духа того лица, которое, увидѣвъ кровь, текущую изъ порѣзаннаго пальца другого человека, волнуется, страдая не за другого, а за самого себя при одной мысли, какъ

*) Е. Шульцъ *Организмъ какъ творчество*, въ VIII т. сборниковъ «Вопросы теоріи и психологіи творчества», подъ редакціей Лезина, Харьковъ, 1915. С. Метальниковъ «Рефлексъ какъ творческий актъ».

**) Bleuler. Psychoide als Prinzip der organischen Entwicklung.

было бы «мнѣ» больно, еслибы этотъ порѣзъ былъ бы у меня. Подлинная симпатія есть лишь тамъ, гдѣ дѣятель реагируетъ своимъ чувствомъ непосредственно на само чужое переживаніе и оказывается объединеннымъ съ другимъ индивидуумомъ такъ, что способенъ бороться за жизненные блага этого индивидуума такъ-же, какъ онъ самъ, или даже лучше, чѣмъ онъ самъ.

Такая *подлинная симпатія* не можетъ быть объяснена, какъ продуктъ эволюціоннаго процесса: специфическая основа ея есть *незамкнутость* дѣятеля. Имманентность его всѣмъ остальнымъ дѣтелямъ; будучи условіемъ возможности всякаго взаимодействія, эта спаянность дѣтелей другъ съ другомъ не можетъ быть слѣдствіемъ эволюціи. Само собой разумеется, однако, что осмысленіе этой первичной спаянности тѣми реакціями чувства и воли, которыя превращаютъ ее въ способность, имѣющую высокое значеніе для нравственной жизни, возникаетъ эволюціоннымъ путемъ.

Имманентность дѣтелей другъ къ другу можетъ послужить основой для рѣшенія многихъ проблемъ естествознанія. Такъ, наприм., она даетъ ключъ для объясненія явленій «альтруистической дѣлсобразности» («*fremddienliche Zweckmæssigkeit*»), на которыя обратилъ вниманіе Э. Вехеръ^{*)}.

Она должна быть использована для пониманія не только координированной дѣятельности частей отдѣльнаго животнаго или растительнаго организма, но и для объясненія болѣе сложныхъ живыхъ единицъ, такихъ какъ лѣсъ, болото, озеро и т. п.

Въ заключеніе напомнимъ, что *Богъ* есть условіе возможности *системы* имманентныхъ другъ другу и въ то-же время самостоятельныхъ въ отношеніи другъ къ другу дѣтелей. Поэтому Богъ не можетъ быть продуктомъ эволюціи. Ученія о томъ, что Богъ творится въ процессѣ эволюціи могли явиться лишь въ наше время обнищанія философій вслѣдствіе упадка умозрѣнія.

Условія возможности измѣненія, а, слѣдовательно, и эволюціи такъ содержательны, что теперь мы имѣемъ право установить также и понятіе эволюціи, гораздо болѣе содержательное и многозначительное, чѣмъ та, съ котораго мы начали. Возможно, что въ природѣ существуетъ эволюція, какъ *рядъ измѣненій*, имѣющихъ высокой *смыслъ*, именно какъ рядъ процессовъ, посредствомъ которыхъ достигается некоторая отдаленная *цѣльная цѣль*.

*) См. превосходное ученіе о симпатіи у М. Scheeler, *Wesen und Formen der Sympathie*, 1923.

**) E. Becher, *Die fremddienliche Zweckmæssigkeit der Pflanzengallen und die Hypothese eines überindividuellen Seelischen*, Lpz. 1917.

Иными словами, это — учение об эволюции, как постепенном совершенствовании. Философия умозрѣнія устанавливает *возможность* такого процесса, а естественнонаучные изслѣдованія могутъ показать, гдѣ и въ какой формѣ процессъ эволюціоннаго совершенствованія *дѣйствительно* осуществляется. Возраженіе, будто наука имѣетъ дѣло только съ изученіемъ фактовъ и должна воздерживаться отъ оцѣнокъ и понятій цѣнности, несостоятельно. Наука должна воздерживаться отъ *субъективныхъ* оцѣнокъ, но *объективныхъ* цѣли и объективныя *цѣнности* входятъ въ область вѣдѣнія науки въ такой же мѣрѣ, какъ и все, что наличествуетъ въ составѣ міра. Въ свою очередь, знаніе о степеняхъ приближенія къ воплощенію цѣнности естественно сопутствуется объективными *оцѣнками*.

Такъ какъ условія измѣненія одинаковы для всей природы, то и понятіе эволюціи, какъ совершенствованія, можетъ быть распространено на всю природу: можно говорить об эволюціи, ведущей отъ электроновъ къ атомамъ, молекуламъ, одноклѣточнымъ организмамъ и т. д.

Изслѣдуя эволюціонныя измѣненія въ природѣ, восхожденіе ея отъ простыхъ формъ къ формамъ, все болѣе сложнымъ и оупрощающимъ дѣйствіямъ, въ которыхъ воплощаются все болѣе высокія цѣнности, слѣдуетъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, совершается ли этотъ процессъ необходимо или свободно. Обсужденіе этого вопроса выводитъ за предѣлы настоящей статьи. Поэтому я высказываю свои соображенія лишь въ нѣсколькихъ словахъ, ссылаясь на содержаніе своей книги «Свобода воли». Этика, эстетика и гносеологія (какъ наука об условіяхъ возможности обрѣтенія истины посредствомъ мышленія) могутъ рѣшить вопросъ о воплощеніи дѣятель въ своемъ поведеніи абсолютныхъ цѣнностей не иначе, какъ признавъ *свободу дѣятеля*. Въ книгѣ «Свобода воли» я задаю цѣлью установить, что субстанціальныя дѣятели обладаютъ творческой сверхкачественною силою и потому въ своей дѣятельности они не детерминированы, а, наоборотъ, детерминируютъ реальный процессъ.

Это ученіе о свободѣ имѣетъ положительное значеніе не только для наукъ о цѣнностяхъ, но и для рѣшенія проблемъ естествознанія. Если дѣятели свободны, то не слѣдуетъ ожидать въ природѣ линейнаго прогресса: во-первыхъ, возможны различныя линіи развитія, ведущія къ одной и той же конечной цѣли, различныя творчески изобрѣтаемые способы совершенствованія: во-вторыхъ, возможны и неудачно выбранныя пути развитія, заводящіе въ тупики (о чемъ говоритъ Бергсонъ въ своей книгѣ «Творческая эволюція»); въ-третьихъ, возможны явленія регрес-

са: въ-четвертыхъ, кромѣ путей возрастанія въ добръ, возможны и дѣйствительно существуютъ еще и пути возрастанія въ злѣ, ведущіе въ конечномъ итогѣ къ сатанинскимъ безднамъ бытія («вочной ликъ» природы, о которомъ говорить кн. Е. Трубецкой въ своей книгѣ «Смыслъ жизни» *).

Такимъ образомъ предметъ изученія естественныхъ наукъ гораздо болѣе сложенъ и болѣе разнообразенъ, чѣмъ было бы въ мірѣ, гдѣ развитіе осуществлялось бы съ характеромъ необходимости. Изслѣдованіе разнообразныхъ формъ жизни, осуществляемыхъ свободнымъ творчествомъ дѣятелей, стремящихся къ воплощенію какъ подлинныхъ, такъ и мнимыхъ цѣнностей, возможно во всей полнотѣ для натуралиста не иначе, какъ въ союзѣ съ метафизикою, этикою и эстетикою.

Н. Лосскій.

* О сатанинскомъ бытіи см. мою статью «О природѣ сатанинской (по Достоевскому)» въ сборникѣ «Ф. М. Достоевскій» подъ редакціей А. Делинина. Пгр. 1922